

Нельзя переоценить значения обещанных Большим театром постановок. Это оперы «Никита Вершинин» Д. Кабалевского, «Емельян Пугачев» М. Коваля (в новой редакции), «Гроза» И. Дзержинского и «Банк бан» классика венгерской музыки Ф. Эркеля. Это балеты «Спартак» А. Хачатуряна и «На берегу моря» литовского композитора Ю. Юзелюнаса.

Смелое обращение к произведениям современных авторов говорит о том, что Большой театр проникся сознанием своей ответственности за судьбы советской оперы и балета, а также и о возрастающих успехах этих жанров советской музыки. Репертуарные планы Большого театра СССР на 1955—1956 гг. позволяют надеяться, что в его жизни начинается период более активной и широкой пропаганды советского оперного и балетного искусства.

Не менее важной задачей Большого театра остается новаторское раскрытие капитальнейших произведений оперной и балетной классики. В этом направлении темпы, взятые Большим театром в период после 1948 года, сейчас несколько ослабли. До сих пор не выполнены данные еще в 1951 году обещания театра о новых постановках и капитальных возобновлениях некоторых классических опер. Из огромного наследия Римского-Корсакова в афишах Большого театра значатся всего четыре спектакля. Среди них нет ни «Золотого петушка» (эта опера не звучит в Большом театре более двух десятилетий), ни популярнейшей «Царской невесты», ни «Сказки о царе Салтане», «тихо исчезнувшей» из репертуара много лет назад. Замолкли разговоры о постановке гениального создания Римского-Корсакова — «Сказания о невидимом граде Китеже». Известные трудности, связанные с этой постановкой, видимо, устрасили театр; но ведь творческая робость не к лицу нашему лучшему оперному коллективу!

Отрадно, конечно, что в афишах Большого театра постоянно значатся «Евгений Онегин» и «Пиковая дама» Чайковского (хотя эти спектакли требуют серьезного обновления). Но театр не может не считаться с желанием советской аудитории познакомиться и с такими произведениями Чайковского, как «Орлеанская дева», «Опричник» и особенно «Чародейка». Эта замечательная опера была поставлена на сцене Большого театра лишь до революции — и то всего два раза (при первой постановке в 1890 году она выдержала только один спектакль из-за небрежного исполнения).

На днях я прочла в старом номере многотиражной газеты Большого театра «Советский артист» (за 1940 год) о том, что дирекция театра твердо обещала коллективу незамедлительно осуществить постановку «Чародейки». Но вот прошло уже пятнадцать лет, а возникавшие за это время разговоры о «Чародейке» почему-то заглохли; ничего не слышно и об анонсированной три года назад постановке «Аскольдовой могилы» А. Верстовского. Когда-то Чайковский выразил желание, чтобы в один вечер с его «Иолантой» звучал рахманиновский «Алеко». Но «Иоланта» идет, а «Алеко» забыт Большим театром (так же, как и две другие оперы Рахманинова!).

В особом долгу Большой театр перед западноевропейской классикой. Не странно ли, что на основной сцене театра в настоящее время идут всего два произведения западной оперной классики — «Кармен» Бизе и «Аида» Верди! Уже много лет мы не слышали в театре опер Вагнера. Совсем позабыты театром оперы Глюка, Вебера, Мейербера.

Вне поля зрения Большого театра иной раз остаются отличные произведения, созданные в братских республиках Советского Союза. Так, например, с непонятным равнодушием театр прошел мимо выдаю-